

Рец. на кн.: AGNIESZKA PASIEKA. *HIERARCHY AND PLURALISM: LIVING RELIGIOUS DIFFERENCE IN CATHOLIC POLAND.*

N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 284 p.
(Contemporary Anthropology of Religion Series)

Екатерина Александровна Хонинева

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1 А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
ekhonineva@eu.spb.ru

Аннотация: В монографии представлены результаты исследования одного приграничного региона, отличающегося этническим и религиозным разнообразием, в преимущественно гомогенной «католической Польше». Автор вводит термин *иерархический плюрализм* для описания системы иерархических и горизонтальных социальных отношений, воспроизводимых в повседневном взаимодействии и социальном воображении. В рецензии обсуждаются специфика работы в многоконфессиональном сообществе, а также те аналитические ограничения, с которыми исследователь может столкнуться в попытках уследить за пересечением и размыванием социальных границ.

Ключевые слова: антропология религии, исследования памяти, плюрализм, Польша, католицизм.

Для ссылок: Хонинева Е. Рец. на кн.: Agnieszka Pasieka. *Hierarchy and Pluralism: Living Religious Difference in Catholic Poland.* N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 284 p. (Contemporary Anthropology of Religion Series) // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 198–208.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-198-208

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/036/khonineva.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2018, NO. 36

A Review of AGNIESZKA PASIEKA, *HIERARCHY AND PLURALISM: LIVING RELIGIOUS DIFFERENCE IN CATHOLIC POLAND.*

New York: Palgrave Macmillan, 2015, 284 pp.
(Contemporary Anthropology of Religion Series)

Ekaterina Khonineva

European University at St Petersburg
6/1 A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
ekhonineva@eu.spb.ru

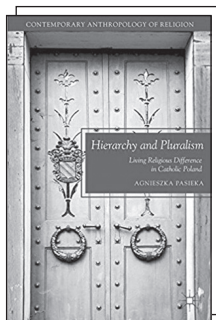
Abstract: This monograph presents the results of research of a border region characterized by ethnic and religious diversity in the otherwise homogenous, Catholic Poland. The author introduces the term *hierarchical pluralism* to describe the configuration of hierarchical and horizontal social relations, reproduced in everyday interaction and social imagery. The review discusses the particular aspects of the work with multiconfessional community and also those analytical limitations and difficulties that the anthropologist can encounter in an effort to keep up with the intersections and blurring of social boundaries.

Keywords: anthropology of religion, memory studies, pluralism, Poland, Catholicism.

To cite: Khonineva E., 'A Review of Agnieszka Pasieka, *Hierarchy and Pluralism: Living Religious Difference in Catholic Poland.* New York: Palgrave Macmillan, 2015, 284 pp. (Contemporary Anthropology of Religion Series)', *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 36, pp. 198–208.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-198-208

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/036/khonineva.pdf>

Рец. на кн.: **Agnieszka Pasieka. *Hierarchy and Pluralism: Living Religious Difference in Catholic Poland***. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 284 p. (Contemporary Anthropology of Religion Series).

В монографии представлены результаты исследования одного приграничного региона, отличающегося этническим и религиозным разнообразием, в преимущественно гомогенной «католической Польше». Автор вводит термин *иерархический плюрализм* для описания системы иерархических и горизонтальных социальных отношений, воспроизводящихся в повседневном взаимодействии и социальном воображении. В рецензии обсуждаются специфика работы в многоконфессиональном сообществе, а также те аналитические ограничения, с которыми исследователь может столкнуться в попытках уследить за пересечением и размыванием социальных границ.

Ключевые слова: антропология религии, исследования памяти, плюрализм, Польша, католицизм.

Изучение взаимодействия таких категорий социального воображения, как «религия», «этничность» и «нация», помимо того что представляет для антропологов и социологов религии большой интерес, сопряжено также с аналитическими и методологическими трудностями. И хотя исследований религиозного национализма существует гораздо меньше, чем могло бы быть, это направление уже сформировало некоторый набор хрестоматийных примеров, среди которых одной из самых ярких (а потому удобных) иллюстраций является случай современной «католической» Польши. Благодаря тому что здесь этничность и религия приходят в «естественное» соответствие на уровне государственной идеологии, это поле действительно обладает определенной привлекательностью. Иное дело, что некоторые работы, посвященные польской религиозности, выполнены в духе «методологического католицизма», т.е. воспроизводят социальный порядок, а не анализируют его [Sekerdej, Pasieka 2013: 66]. В этом и не только в этом смысле монография Агнешки Пасеки стоит особняком в мейнстриме исследований религиозного и национального ландшафта Польши. Автор предлагает сделать шаг в сторону от скрупулезного изучения этнорелигиозного императива польского

Екатерина Александровна Хонинева
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ekhonineva@eu.spb.ru

католицизма к рассмотрению периферийных и маргинальных с точки зрения доминирующей идеологии контекстов. Эти контексты контрастируют, на первый взгляд, с репрезентацией монолитного образа польского народа, но при последовательном приближении предоставляют новые возможности для интерпретации создания и воспроизведения этой однородной картины. Помимо смещения условно территориального ракурса, рецензируемая работа примечательна и смещением ракурса аналитического: эта книга не о государстве и Церкви, а о людях, их повседневных практиках и опыте, резонирующих с государственной и церковной политикой. Пасека обратилась к одной местности, расположенной в польско-словацком приграничье и характеризующейся религиозным и этническим разнообразием. В основу монографии легли этнографические данные, собранные антропологом в нескольких деревнях гмины Розтае, в которых в разной мере представлены семь религиозных деноминаций (католики латинского и византийского обрядов, православные, пятидесятники, свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня, наконец, буддисты) и две этнические группы (поляки и лемки).

С предметом исследования читателя знакомит вводная часть “Seven Ways to God”, заголовок которой может ввести в заблуждение: взаимоотношения информантов Пасеки с Богом если и попадают в фокус исследовательского интереса и описания, то лишь в качестве фона, на котором более четко должны смотреться явления и события иного рода. В качестве аналитической модели для своей работы Пасека представляет обращение к понятиям «плюрализм снизу» (*pluralism from below*) и «проживаемая религия» (*lived religion*). Такой подход предполагает внимательное рассмотрение того, как жители региона проживают свою религиозную жизнь в условиях деноминационного разнообразия, с одной стороны, а с другой — каким образом на их повседневных практиках и дискурсах отражается бытование национального нарратива, связывающего польскость и католицизм в нерушимую диаду. Иными словами, основная задача этой книги — проанализировать, каким образом иерархичность оказывается встроена в создание, понимание и проживание плюрализма самими обитателями приграничья, а не политическими элитами.

Пасека вводит собственный термин для концептуализации наблюдаемого ею социального порядка — *иерархический плюрализм*. Под этим термином предлагается понимать «постоянно меняющуюся конфигурацию социальных отношений, которая делает возможным и признает легитимным разнообразие, в то же самое время однозначно указывая, какая этническая или религиозная группа является доминирующей и нормативной»

(Р. 9). Такой взгляд на проблему представляет собой попытку перейти от противопоставления измерений вертикальных и горизонтальных социальных отношений к анализу сосуществования и сопряжения этих измерений в социальном взаимодействии. При этом для понимания того, каким образом плюрализм становится иерархическим, Пасека предлагает использовать данную аналитическую категорию сразу в двух перспективах — как тип социального воображения и как политически легитимированное этническое и религиозное разнообразие (Р. 7).

Еще до знакомства с монографией меня заинтересовали подробности полевой работы Пасеки, поскольку одновременное изучение более чем одного сообщества кажется нетривиальной задачей. И автор удовлетворяет любопытство читателя: нюансам включенного наблюдения в Розтае посвящен целый раздел вводной части. Помимо отчетности перед взыскательной аудиторией, эти размышления оказываются также первыми штрихами к той картине иерархического разнообразия, которую могла наблюдать исследовательница в своем поле. Что же касается рутины включенного наблюдения, выясняется, что количество проведенного антропологом времени с сообществом пропорционально его численности. Больше всего исследовательского внимания как в поле, так и затем в монографии уделялось католикам римского и византийского обрядов и православным. Меньше всех повезло буддистам: с ними, признается Пасека, удалось провести лишь три дня во время ретрита, что, если быть честным, не самое удачное мероприятие для сбора данных. Разумеется, я не осуждаю автора за поддержание иерархического плюрализма в поле. Очевидно, что антрополог будет вынужден регулярно делать выбор в пользу того или иного события или информанта, поставив перед собой цель изучить немалое количество сообществ в одном месте и в одно время. Проблема, как оказалось, состоит даже не в трудности работы с многочисленными группами, но в том, как о них писать в рамках одной книги. Монография содержит множество скетчевых зарисовок, которым не хватает фактуры: в своем стремлении не обойти стороной представителей всех религиозных общин Розтае автор не идет до конца, поэтому зачастую для описания роли каждой группы в том или ином сюжете выделяется лишь несколько предложений или абзац.

За вводными теоретическими и методологическими построениями следуют разделы с анализом материала, написанные легко и, пожалуй, даже художественно. Благодаря незаурядному повествовательному таланту исследовательницы мы можем представить мирную жизнь гмины, заброшенные и действующие католические и православные храмы, кресты на пересече-

нии дорог, ухоженные деревянные дома и компанию людей, весело обсуждающих местные новости у магазинчика с пивом. Однако сквозь описание этой идиллической картины просвечивает нечто, призванное перевернуть с ног на голову наши представления о социальных отношениях внутри этого общества, на что автор аккуратно намекает практически в каждой главе, но при том сохраняя интригу. Я же, в свою очередь, раскрою карты сразу. Кульминационным моментом монографии оказывается история о попытке введения двойного наименования топонимов в регионе (помимо польского языка, еще и на лемковском) и последующая дискуссия между сторонниками и противниками этой смелой инновации. Голоса в регионе распределились таким образом, что предложение было отклонено, и подобное развитие событий оказалось сюрпризом для исследовательницы, до сих пор наблюдавшей если не дружеские, то уж точно не предвещающие подобных конфликтов отношения между представителями различных этнических групп. В связи с этим автор выстраивает линию повествования таким образом, чтобы подготовить читателя к адекватному пониманию данного события, шаг за шагом помещая его в исторический и социальный контекст приграничного региона.

Описанию истории религиозного и этнического плюрализма в Польше и этнографическим замечаниям о повседневности жителей Розтае посвящена первая часть монографии “Mapping Religious Pluralism”. В своем обращении к прошлому Пасека стремится, с одной стороны, представить событийную историю этнических меньшинств, а с другой — объяснить, как происходила манипуляция этническими и религиозными идентичностями в различных исторических и политических контекстах. Автор приводит последовательный разбор процесса трансформации Польши XVI в. как образцового примера межэтнического соседства в гомогенную католическую Польшу постсоциалистического извода. Примечательно, что в этом обзоре отражены не только вполне ожидаемые рассуждения о формировании государственного националистического нарратива, предполагающего «естественный» польско-католический категориальный союз, но и интерпретация истории Польши в терминах мультикультурализма — тренд, набирающий обороты в рамках польской историографии (Р. 57). В этом нарративе модель мирного и дружного сосуществования различных этнических культур оказывается не чем иным, как польским изобретением и свидетельством уникального свойства знаменитой «польской толерантности». Этот тип исторического воображения, как ни парадоксально, работает на укрепление связи между католицизмом и польскостью так же, как и государственная идеология религиозного национализма.

Дискурс о мультикультурной Польше утверждает взаимодействие национальной культуры, т.е. католической польской, с культурами «не-поляков», присутствие которых возможно благодаря доброте и терпимости поляков настоящих, составляющих ядро нации (Р. 58). Такое восприятие истории характерно не только для академических кругов, но и для акторов региональной политики, выстраивающих фольклоризированный образ традиций этнических меньшинств.

В этнографических зарисовках, представленных в главе “Making Pluralism: The People and the Place”, Пасека снова возвращается к дискурсу мультикультурализма, но с иными исследовательскими целями. Следуя нормам локальной концептуальной гигиены, автор различает мультикультурализм и *экуменизм*. Как и множество других государств, современная Польша не осталась в стороне от глобального процесса коммерциализации и коммодификации локальной культуры. И «древняя земля лемков» оказалась подходящим пространством для развития индустрии идентичности [Comaroff, Comaroff 2009: 24] — производства этничности на продажу и реализации идеологии регионального наследия. Среди многообразия вопросов, которые могут возникнуть у антрополога в связи с созданием уникальных символов локальности, Пасека сфокусировала внимание на одном, а именно том, какой отклик находит дискурс мультикультурализма среди самих жителей региона. Хотя некоторые элементы этого дискурса информанты Пасеки заимствуют для собственных нужд, например добавляя *un peu d'identité* для раскрутки набирающего популярность фермерского туризма, мультикультурализм воспринимается как категория чужеродная и навязываемая сверху. Ей противопоставляется *экуменизм* — эмное обозначение для сложившегося уклада сосуществования различных религиозных групп на одной территории. Область возможных значений этого понятия довольно широка, и чтобы обозначить ее границы, Пасека берется за непростое дело и пытается описать разнообразные переплетения религиозных и этнических идентичностей жителей Розтае.

Занимательная комбинаторика, в которой мы можем упражняться вместе с автором (Р. 65), предлагает практически полный набор вариантов сочетаний этнической и религиозной этикеток (если дано: две этнические группы и семь религиозных), которые Пасека зафиксировала в своем поле. Однако насколько полезны подобные упражнения? Исследовательница упоминает, что мозаичность этой картины обусловлена не в последнюю очередь множественными религиозными обращениями, которые зачастую влекут за собой обращения этнические (Р. 66). Увы, это любопытное замечание исследовательница не раскрывает должным образом. Полагаясь на пред-

ложение Маттайса Пелкманса рассматривать обращения не только и не столько в терминах индивидуальной трансформации, но и в их связи с другими категориями социального воображения [Pelkmans 2009: 12], Пасека понимает обращение как процесс движения и пересечения границ и оставляет за рамками рассуждения его субъективное наполнение. Правда, как мне видится, здесь вместе с водой исследовательница выплеснула и ребенка. Сместив фокус с содержания и практически нивелировав присутствие личных интерпретаций опыта информантов, Пасека так и не приступила к анализу обращений в более широком контексте, ограничившись описанием различных этнорелигиозных комбинаций и констатацией переходов из одной конфессии в другую. Подробный разбор случая религиозного / этнического обращения вызывал бы больше доверия, чем беглое перечисление причин, обозначенных информантами в качестве стимулов для религиозной трансформации (Р. 67).

Стремление определить, что лежит в основе местного *экуменизма*, приводит Пасеку также к анализу тех контекстов, в которых, на ее взгляд, происходит размывание воображаемых этноконфессиональных границ, и к любопытным выводам. Несмотря на конфессиональные различия, для жителей Розстае первичной оказывается совсем иная форма солидаризации, а именно артикулированная эмоциональная привязанность к своему региону. Разделяемое в общих практиках и дискурсе чувство места (*sense of place*) позволяет, по мнению Пасеки, его обитателям возвыситься над религиозными и этническими границами (Р. 88). Рассуждение о роли локальности в проживании религиозного плюрализма становится исходной точкой для анализа нарративов о прошлом во второй части книги под говорящим названием “Pluralizing the Past”. Автор рассматривает различные версии истории региона, воспроизводимые представителями местных этнических групп и конфессий. Эти истории оригинальным образом вплетены в рассказ о том, как накануне православного Рождества переодетые антрополог и ее информанты путешествуют от дома к дому и поют колядки. Обитатели этих домов становятся героями нарративов, которые в пересказе автора превращаются в некий ассоциативный поток, где ключевыми темами оказываются важные для региона исторические события. За этим изящным литературным ходом, однако, совсем затерялась прагматика самих воспоминаний. Были ли это рассказы в ситуациях интервью, или же нарративы о локальном прошлом актуализируются в определенных контекстах? И если верно последнее, нелишним было бы узнать, какие это контексты и каковы прагматические функции таких текстов. Думаю, что

включение этой информации могло быть возможным и без вреда для эстетической составляющей главы.

Рассматривая вместе совершенно различные репрезентации локального прошлого, помимо понятной идеи о невозможности одной истории мы можем наблюдать диалогический или, как предпочитает называть его автор, «гетероглоссный» характер этих нарративов. Жители региона выстраивают свои рассказы, ориентируясь как на нарративы социальных соседей, так и на государственный польско-католический нарратив — спорят с ними, соглашаются, ссылаются на них, опровергают. По словам Пасеки, представители меньшинств прекрасно осведомлены о собственной незначимости и невидимости в доминирующем дискурсе, и потому поддержание семейной памяти и тесно связанной с ней памяти о локальном прошлом становится ресурсом для символического сопротивления гегемонной версии польского прошлого (Р. 141).

Среди этих разномастных вариантов локальной истории, однако, выделяется корпус текстов, отличающийся последовательным однообразием. Память о социализме оказывается одним из наиболее мощных ресурсов социальной солидарности в этом пестром сообществе. Общий для таких рассказов ностальгический мотив основывается на представлении о коммунистическом периоде как о времени насыщенной духовной жизни, всеобщего равенства и взаимной поддержки без оглядки на этническую и конфессиональную принадлежность. Это наблюдение позволяет поместить случай Польши на восточноевропейскую карту тоски по социалистическому былому и в русло академической дискуссии вокруг ностальгии в постсоциалистических государствах (см., например: [Boym 2001; Klumbytė 2009; Todorova, Gille 2010]). Вслед за Дафной Бердал автор делает вывод, что ностальгия и романтизация социалистического не только служат выражением неудовлетворенности современным положением дел, но и являются имплицитной попыткой изменить настоящее [Berdahl 1999]. Возвращаясь к концепту иерархического плюрализма, Пасека заключает, что расходящиеся нарративы о локальном прошлом усиливают иерархический аспект социальных отношений, в то время как воспоминания об общем прекрасном укладе жизни при социализме способствуют поддержанию местного *экуменизма* и переопределению отношений между большинством и меньшинствами (Р. 144). Это звучит вполне правдоподобно, но, повторяюсь, ничтожные представления о контексте бытования этих нарративов вынуждают читателя верить автору на слово, когда хотелось бы иметь доказательств более убедительные.

В третьей части монографии автор снова обращается к современности, анализируя центральный для локального сообщества Розтае институт соседства. Социальная жизнь в Розтае изобилует примерами образцовых смешанных браков, новоиспеченные родители приглашают соседей стать крестными своих детей, несмотря на их принадлежность иной конфессии, а Рождество в гмине празднуется дважды — по григорианскому и по юлианскому календарям. Все это создает умиротворяющую картину сплоченного сообщества, характеризующегося взаимным уважением и равнодушием к этноконфессиональным различиям. Однако долгожданная история о двойном наименовании переопределяет эти отношения. Тот факт, что большинство жителей Розтае проголосовали против нововведения, запустил машину реинтерпретации «добротного соседства» и местного *экуменизма*. Главными виновниками своего поражения разочарованные лемки видят именно поляков и, обращаясь к истории края, акцентируют исконность своего народа для данной местности, определяя своих соседей как чужаков, не имеющих права на свои множественные привилегии. В свою очередь для одного из католических священников, который признался исследовательнице в том, что подговаривал свою паству голосовать против лемков, именно поляки являются «хозяевами земли», а значит, двойное наименование может ущемить их права.

На практике же Пасека обнаруживает, что результаты голосования в тех или иных деревнях зависят от того, каким образом местные элиты презентовали цели предлагаемого нововведения. Это, однако, не умаляет той значительной роли, которую играет докса — польско-католический дискурс — в предубеждении против размещения символов этнического и религиозного разнообразия в публичном пространстве. При всей многоплановости социальных отношений, определяющих сосуществование рассматриваемых в книге сообществ, Пасека приходит к вполне однозначному выводу. Декларируемый плюрализм существует ровно до тех пор, пока меньшинства не претендуют на реконфигурацию устоявшегося иерархического социального порядка. Более того, иерархичность характеризует отношения не только между польско-католическим большинством и всеми остальными, но и между самими меньшинствами. Лемки получают более привилегированное положение среди остальных меньшинств благодаря тем механизмам социального воображения, которые соотносят их с категориями «традиции» и «локального наследия», а также делают их символом местного мультикультурализма. И на это пятидесятники или буддисты едва ли могут претендовать.

Центральный для монографии концепт иерархического плюрализма, понимаемый как постоянное размывание одних социальных границ при обязательном поддержании и укреплении других в повседневном взаимодействии и социальном воображении, как кажется, может стать полезным аналитическим инструментом, применимым далеко не только для изучения тех контекстов, в которых социальные связи определяются идеями и категориями из религиозного поля. Позволю себе последнее замечание общего характера. Как уже было сказано ранее, зачастую описываемая Пасекой этнографическая реальность и заключения, следующие за этим описанием, оказываются недостаточно согласованы. И в первую очередь это касается тех рассуждений, в которых автор констатирует размывание и пересечение социальных границ. Когда мы говорим об их выстраивании, то под этим, скорее всего, понимаем культурный материал, который используется для противопоставления себя другому. Сложнее обстоят дела с утверждением, что где-то здесь пролегла социальная граница, но была стерта по тем или иным причинам.

Фредрик Барт, с чьим именем во многом связана судьба этого термина, замечает, что категориальное различие необязательно предполагает возникновение и поддержание границ [Barth 2000: 17]. Если поведение информантов в тех или иных ситуациях похоже на то, что они выстраивают между собой нечто, напоминающее исследователю границу, то Барту такая аргументация не кажется убедительной [Barth 2000: 20]. Когда Пасека пишет о местном авторитете Адаме, который, будучи лемком, среди прочих дел на благо сообщества активно включается и в поддержание порядка в римско-католическом приходе, говорит ли это нам о размывании социальных границ (Р. 162)? Похоже на то, что Пасека предвидела существование этих границ, пролегающих аккуратно по линиям конфессиональных и этнических наименований, и, следовательно, любой случай, не укладывающийся в схему последовательного противопоставления себя другому, рассматривает как их размывание и пересечение. Повторюсь, что такое впечатление может возникнуть потому, что текст изобилует антропологическими утверждениями, которые кажутся разумными, при нехватке этнографического описания и рефлексии над материалом, из которых бы следовали сделанные выводы. И в этом можно увидеть свидетельство того, что «границы» становятся все больше элементом академического жаргона и все меньше — аналитической категорией. Впрочем, это обстоятельство вряд ли существенно повлияло на общие результаты исследования, равно как и на оценку читателем его достоинств.

Библиография

- Barth F.* Boundaries and Connections // Cohen A.P. (ed.). *Signifying Identities: Anthropological Perspectives on Boundaries and Contested Values*. L.: Routledge, 2000. P. 17–36.
- Berdahl D.* “(N)Ostalgie” for the Present: Memory, Longing, and East German Things // *Ethnos*. 1999. Vol. 64. P. 192–211.
- Boym S.* *The Future of Nostalgia*. N.Y.: Basic Books, 2001. 432 p.
- Comaroff J.L., Comaroff J.* *Ethnicity, Inc.* Chicago: University of Chicago Press, 2009. 234 p.
- Klumbytė N.* Post-socialist Sensations: Nostalgia, the Self, and Alterity in Lithuania // *Lietuvos etnologija*. 2009. Vol. 9. No. 18. P. 93–116.
- Pelkmans M.* Introduction: Post-Soviet Space and Unexpected Turns of Religious Life // Pelkmans M. (ed.). *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. L.: Berghahn Books, 2009. P. 1–16.
- Sekerdej K., Pasięka A.* Researching the Dominant Religion: Anthropology at Home and Methodological Catholicism // *Method and Theory in the Study of Religion*. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 53–77.
- Todorova M.N., Gille Z.* (eds.). *Post-communist Nostalgia*. L.: Berghahn Books, 2010. 310 p.

Екатерина Хонинева

A Review of Agnieszka Pasięka, *Hierarchy and Pluralism: Living Religious Difference in Catholic Poland*. New York: Palgrave Macmillan, 2015, 284 pp. (Contemporary Anthropology of Religion Series).

Ekaterina Khonineva

European University at St Petersburg
 6/1 A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
 Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
 Russian Academy of Sciences
 3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
 ekhonineva@eu.spb.ru

This monograph presents the results of research of a border region characterized by ethnic and religious diversity in the otherwise homogenous, Catholic Poland. The author introduces the term *hierarchical pluralism* to describe the configuration of hierarchical and horizontal social relations, reproduced in everyday interaction and social imagery. The review discusses the particular aspects of the work with multiconfessional community and also those analytical limitations and difficulties that the anthropologist can encounter

in an effort to keep up with the intersections and blurring of social boundaries.

Keywords: anthropology of religion, memory studies, pluralism, Poland, Catholicism.

References

- Barth F., 'Boundaries and Connections', Cohen A. P. (ed.), *Signifying Identities: Anthropological Perspectives on Boundaries and Contested Values*. London: Routledge, 2000, pp. 17–36.
- Berdahl D., "'(N)Ostalgie" for the Present: Memory, Longing, and East German Things', *Ethnos*, 1999, vol. 64, pp. 192–211.
- Boym S., *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001, 432 pp.
- Comaroff J. L., Comaroff J., *Ethnicity, Inc*. Chicago: University of Chicago Press, 2009, 234 pp.
- Klumbytė N., 'Post-socialist Sensations: Nostalgia, the Self, and Alterity in Lithuania', *Lietuvos etnologija*, 2009, vol. 9, no. 18, pp. 93–116.
- Pelkmans M., 'Introduction: Post-Soviet Space and Unexpected Turns of Religious Life', Pelkmans M. (ed.), *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. London: Berghahn Books, 2009, pp. 1–16.
- Sekerdej K., Pasięka A., 'Researching the Dominant Religion: Anthropology at Home and Methodological Catholicism', *Method and Theory in the Study of Religion*, 2013, vol. 25, no. 1, pp. 53–77.
- Todorova M. N., Gille Z. (eds.), *Post-communist Nostalgia*. London: Berghahn Books, 2010, 310 pp.